

рождении богатой самобытной культуры коренных народов Камчатки.

Он, по сути, не делал различий между ними. В 60-е годы, вместе с Георгием Поротовым они исколесили все эвенские, ительменские, корякские села полуострова, выпустили три сборника — «Песни Алнея», «В стране Кутха», «Дарю тебе песню». Эти небольшие, в ладонь, книжицы — драгоценный клад, не потускневший со временем. С непревзойденными изделиями из оленьего рога, обработанными искусными мастерами, можно сравнить вошедшие в книги сказки, легенды, загадки, поговорки, переложенные на ноты родовые мелодии и современные песни молодых композиторов — северян. И тут же, как колокольчик на праздничной кухлянке, звучный слог новелл, в которых — экскурсы в историю Камчатки, судьбы тундровиков, размышления о жизни. И стихи, стихи без края. Это был своеобразный аттестат зрелости двух оригинальных поэтов. Почти каждую строку этих книжиц тогда выучили наизусть самодеятельные артисты во всех уголках нашего края и до сих пор не расстаются с ними.

Языковая и духовная школа Севера дала Коянто силы для поэтического сборника «Оленьими тропами». Мягко, романтичен его тон. Легки, светлы его строки, западают в душу:

«Перед утром мне приснился олененок белоногий...»
(«Олененок»)
«И с Колдуна гляжу на Карагу.»

(«Иринка»)
«В час свиданья к костру я в букет собираю всех семьсот оленят для тебя!»
(«В пять!»)
«Какой ты сильный! Какой лобастый! Какой красивый! Какой рогастый!»
(«Отнеси меня»)
«Я видел, как олени плачут, когда им нож вонзают под лопатки. Впервые вижу, как олени пляшут! Возможно, сон был это? Было не до сна. Виной была камчатская весна!»
(«Оленья пляска»)

В это же время настаивается и его проза. Вернее, Коянто не расстается с поэзией и в рассказах, и в повестях. Он говорит с читателями сразу на двух языках, перемежая прозу стихами. Таковы его автобиографическая повесть «Месяц молочных важенок», рассказы, вошедшие в сборник «Рог вожака», повесть «Верхние люди подождут».

И одухотворенная поэзией проза, даже на сугубо производственную тему, приобретает приподнятое звучание. В этом Коянто истинный северянин, которому врожденная поэтичность помогает устоять и перед грозной природой, и перед жизненными перипетиями.

Лирическая тональность в первую очередь поддерживает интерес и к его последней повести «Верхние люди подождут». Где-то с долей сомнения перечитывала эту книгу: сего-

делящаяся шкура. И стоило кому-нибудь из пастухов провести по ней рукой, ладонь становилась мокрой и красной. Олени тогда паслись неохотно, больше кружили на месте, как лека друг друга.
— Надо в горы! Скорее к Срединным хребтам! — торопил Улюлю. Но Чертова падь, широкая и болотистая, в безветрие и жару дышала сыростью и заразой. Она крепко держала стадо. Олени кружили и кружили, с каждым часом выбрасывая из своей изнуренной массы слабых, больных, хромоногих».

Много титулов у Владимира Владимировича Косыгина-Коянто. Он и депутат, и журналист, и культурработник. Но всего дороже, на мой взгляд, поэтическое состояние его души, то, что его как поэта и писателя знают не только на Камчатке, но и за рубежом, что его имя стоит в литературной энциклопедии, что спектакли по его повести ставят народный театр.

Таково мнение и тех, кому удалось встретить в эти дни на творческой тропе. Е. Гропянов вспомнил первое литературное заседание в Петропавловске, в конце пятидесятых. Как притихли они, начинающие, робкие, когда вошел Коянто; он уже был известен и уважаем как поэт. В. Кудлин: «В прежние годы мы часто вместе ездили по тундре, и я с удивлением наблюдал, что не книга в первую очередь была его посредником в общении с северянами, его читателями, а он сам — его голос, танец (а он талантливый актер), интонация (у него великолепная дикция), — все это делало его близким своему народу. А язык тундры очень компактен, и малейшая фальшивинка была бы сразу заметна». В. Науменков: «Коянто очень внимателен и добр к собратьям — литераторам. Если кто-то создает что-то хорошее, он радуется, как будто сам это написал». В. Стрелицкий: «Его стихи пахнут тундрой». Н. Санеев: «Он очень лиричен и прост в своих стихах, поэтому легко читается, запоминается». М. Белова, искусствовед: «В совместной работе по Дому творчества в шестидесятых годах я с радостью наблюдала, как плодотворно Коянто открывал для себя свою Родину, как зрели в нем гордость, что он потомок талантливой самобытной породы».

Ту же мысль подтверждает и В. Санги в предисловии к книге «Верхние люди подождут», изданной в Москве: «Прочитайте чистые, как струи горного ручья, строки Коянто — и вы почувствуете, как поэт любит свою Корякию. Прочитайте его повести, рассказы — и вы почувствуете, как он любит людей».

Неугомонных поэтических духов тебе в помощь, дорогой Коянто! И не забывай заглядывать на чайку к друзьям в большое стойбище, в Петропавловск.

Н. СЕЛИВАНОВА.

ХРАНИТ ЗАВЕЩАННОЕ ТУНДРОЙ

Хайлём, Коянто! Спасибо, Олений человек! Спасибо, что перед твоим светлым юбилеем еще раз прошла по следам строк твоих книг. Что смысла налет суетности в чистых озерах твоей поэзии. Что вернул в молодые годы, когда мы все учились у северян возвышенности чувств, неспигаемости таланта под жерновами жизненных испытаний. Хайлём, Коянто! Твое литературное имя тоже родилось после духовного братания со своими земляками...
Сначала тундра отправила ивашкинского паренька Володю Косыгина в Ленинград, на северный факультет Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена. Там, среди студентов — северян, а в каждом из них зрел талант его небольшого народа, он не только учился русскому языку, литературе. В 50-е годы в Ленинграде были удивительные учителя. Они сами прошли серьезные «университеты», на всю жизнь полюбили людей тундры и не переделывали учеников на свой лад, а возвращали их к языку предков, к культуре од-

них мест, прививали вкус к литературному труду.
Там и зародился Косыгин как поэт, чтобы потом, написавшись фольклором тундры, первой поэмой «Струйка» (а она впервые по рукописи школьной тетради была опубликована в «Камчатской правде») покорить сердца читателей и приобрести свой литературный псевдоним Коянто — Олений человек. Так звали пастуха-бедняка из его поэмы, ради любви к которому прекрасная девушка Струйка не захотела стать женой шамана. «Струйка» затем была напечатана в альманахе «Творчество народов Севера», во многих поэтических сборниках.
Коянто оказался благодарным сыном тундры. Он вернулся на родину, кочуя вместе с оленеводами по корякской тундре, стал учить их грамоте, записывать фольклор, учился древним танцам, сам участвовал в художественной самодеятельности. Коянто — один из тех, кто стоял у истоков создания ныне всемирно известного корякского ансамбля «Мэнго». Он заботился о воз-

Дома! Дома! В сугробах снежных...
Привет тебе, корякский уголок!»
(«Карага»)
«Она под бубен настроила стан»
(«Оккэнэллэ»)
«Такая у природы нашей власть: Заворожит, заманит, уведет любого!»
(«Уксичан»)
«Темень кругом, да кедрач кудлатый.
Ночь в пути. Выбираем ночлег.
Лошади вздрогнули: Здесь косялапый очень свежий оставил след»
(«Юльты»)
«Поет пастух во сне, — Рассказывали мне, — Чтоб в стадо не забрался волк»
(«Иттек поет во сне»)
«Не бросайте кости вечером в костер: Ночью к стаду подкрадется горе...»
(«Не бросайте кости»)
«Захотелось снежинкой смелой подобраться к твоим губам...»

дняшний день дает безжалостный бой и социальным, и литературным стереотипам. Но «Верхние люди...» меня, земную, не разочаровали. Вечны и историчны в повести и конфликтная ситуация в оленеводстве той поры; любопытны характеры, особенно насмешливых, неугомонных стариков-пастухов с их прибаутками, типа «тундрочка небольшая, потом еще полтундрочки! Потом совсем маленький перевалка...»; и запечатленные древние обычаи коряков (похороны — сожжение, праздник морского зверя Хололо); тонкие наблюдения над повадками собак, оленей, медведей, птиц. И безусловная образность, индивидуальность языка в самых удачных местах. Таково, например, описание страшной поры в тундре:
«Жаркие дни наступали здесь внезапно. С их приходом тундра становилась похожа на кипящий котел, наполненный жгучими комарами, оводами, надоедливой мошкаррой, в котором заживо варились олени и люди. В эту пору на оленях появлялась вторая «живая» ше-